

Научный поиск: личность, образование, культура. 2022. № 1. С. 55–62.

Scientific search: personality, education, culture. 2022. no. 1. pp. 55–62.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Научная статья

ББК 87.70

УДК 17.026.3

DOI: 10.54348/SciS.2022.1.9

Этика и метафизика в творчестве Ф. М. Достоевского

Владимир Владимирович Варава

Московский государственный институт культуры, Химки, Россия, vladimir_varavalist.ru

Аннотация. В статье рассматривается творчество Ф. М. Достоевского в философском измерении. Выделяются два начала философии – этика и метафизика и показывается, как они взаимодействуют у писателя. Этическое начало, безусловно, пронизывает все художественное творение Достоевского, которые во многом являются формой философского высказывания. Абсолютность этического дискурса задает тема о человеке – абсолютно приоритетная для писателя. Метафизика, как показано в статье, предстает как особая организация текста, в котором важен «мрачный» контекст бытия, в котором открывается свет истины. Таким образом этика и метафизика взаимосвязаны у писателя, и они представляют собой целостный контекст его творчества. В итоге делается вывод, что углубление в проблему человека у Достоевского рождает экзистенциальный стиль мышления, который в контексте отечественной философской культуры неразрывно связан с этикой.

Ключевые слова: Достоевский, Кьеркегор, этика, метафизика, русская литература, русская философия, экзистенциальное мышление, истина, христианство, человек.

Для цитирования: Варава В. В. Этика и метафизика в творчестве Ф. М. Достоевского // Научный поиск: личность, образование, культура. 2022. № 1. С. 55–62. <https://doi.org/10.54348/SciS.2022.1.9>

Original article

Ethics and metaphysics in the works of F. M. Dostoevsky

Vladimir V. Varava

Moscow State Institute of Culture, Khimki, Russia, vladimir_varavalist.ru

Abstract The article deals with the work of F. M. Dostoevsky in a philosophical dimension. Two principles of philosophy stand out - ethics and metaphysics, and it is shown how they interact with the writer. The ethical principle, of course, permeates all the more artistic creations of Dostoevsky, which in many ways are a form of philosophical expression. The absoluteness of ethical discourse is set by the theme of a person - an absolute priority for the writer. Metaphysics, as shown in the article, appears as a special organization of the text, in which the «gloomy» context of being is important, in which the light of truth is revealed. Thus, ethics and metaphysics are interconnected in the writer, and they represent an integral context of his work. As a result, it is concluded that Dostoevsky's deepening into the problem of man gives rise to an existential style of thinking, which, in the context of Russian philosophical culture, is inextricably linked with ethics.

Keywords: Dostoevsky, Kierkegaard, ethics, metaphysics, Russian literature, Russian philosophy, existential thinking, truth, Christianity, man.

For citation: Varava V. V. Ethics and metaphysics in the works of F. M. Dostoevsky. *Nauchnyj poisk: lichnost', obrazovanie, kul'tura* = *Scientific search: personality, education, culture.* 2022. no. 1. pp. 55–62. (In Russ). <https://doi.org/10.54348/SciS.2022.1.9>

Актуальность. Лев Шестов в своей книге «Киркегард и экзистенциальная философия» (1939), назвал Достоевского «двойником Кьеркегора» и написал такие слова: «Достоевского и Кьеркегора так мало слушают и так мало слышат. Их голоса были и остаются голосами вопиющих в пустыне» [Шестов, 1992, с. 25].

Насколько сегодня актуален Достоевский? Как будто прошло много юбилейных мероприятий, опубликовано большое количество текстов, посвященных писателю. Но это все по преимуществу в рамках академического сообщества. А какова реальная востребованность Достоевского сейчас? Он по-прежнему остается гласом вопиющего?

Ф. М. Достоевский относится к такому типу писателей-мыслителей, интерес к которым со временем только возрастает. Современность показывает, насколько значимы его идеи сегодня, которые в его время могли восприниматься как несвоевременные и поэтому далеко не всегда понятные. Достоевский настолько масштабен в своем творчестве, что выходит за любые жанровые границы. В данной статье нас будет прежде всего интересовать философский облик писателя.

Методы исследования: религиозно-философская герменевтика, сравнительно-исторический, диалектический, метафизический.

Результаты и их обсуждение. Философию трактуют по-разному. Одно из пониманий философии, которое схватывает всеобщее, выглядит так: философствование – это экзистенциальная энергия смертного. Философия здесь – антропологическая универсалия, проходящая через эпохи и культуры. Человек всегда и везде смертен, и поэтому он обречен философию. Но эта обреченность в отличие от религии не носит обязательного характера. Философию выбирают свободно, без внешнего давления, например, страха смерти. Наука, религия, общество всегда дают ответ, принуждая к определенному поведению. Философия лишь вопрошает. И парадокс в том, что человеку не нужен ответ. Даже самый поверхностный человек в тайне ищет глубины, ищет философии, единственно эту глубину ему открывающую.

Кроме этого, философия структурируется и определяется по-разному. Но некоторые элементы являются в ней инвариантными. Это этика и метафизика. Метафизика – это вопросы о бытии мира: о том, что есть мир, почему есть мир, каково его первоначало, каков смысл мира, могло бы мира не быть, в конце концов, зачем мир? Этика – почему мир именно таков в

нравственном плане, какова его ценность? Почему зло и смерть, страдание и горе, но почему любовь, радость и счастье, как достичь максимально полной справедливости и гармонии на индивидуальном и коллективном уровне? Возможно ли, нужно ли? Как все это связать и примирить? И зачем все это?

Над этим и размышляют и вопрошают философы. Но западные и восточные, русские и европейские делают это по-разному. Ретроспективно, охватывая русскую и западноевропейскую традицию, можно сказать, что русская характеризуется большим присутствием в ней этики, в то время как западная отличается большим метафизическим характером. В этом плане русскую философию принято считать этикоцентричной, что означает, что этический дискурс пронизывает даже те сферы, которые далеки от моральной проблематики.

Хотелось бы здесь привести известные слова В. В. Зеньковского по этому поводу: «Русская философия не *теоцентрична* (хотя в значительной части своих представителей глубоко и существенно религиозна), не *космоцентрична* (хотя вопросы натурфилософии очень рано привлекали к себе внимание русских философов), – она больше всего занята *темой о человеке*, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории. Прежде всего это сказывается в том, на сколько всюду доминирует (даже в отвлеченных проблемах) *моральная установка*: здесь лежит один из самых действенных и творческих источников русского философствования. Тот «панморализм», который в своих философских сочинениях выразил с исключительной силой Лев Толстой, – с известным правом, с известными ограничениями может быть найден почти у всех русских мыслителей, – даже у тех, у которых нет произведений, прямым образом посвященных вопросам морали (например, у Киреевского)» [Зеньковский, 2001, с. 21-22].

Безусловно, что Достоевский абсолютно вписывается в этикоцентричную парадигму русской философии. Тема о человеке находится у него на высочайшем уровне. Об этом пронзительно говорит Н. А. Бердяев в своей работе «Откровение о человеке в творчестве Достоевского»: «У Достоевского было одному ему присущее, небывалое отношение к *человеку* и его судьбе – вот где нужно искать его пафос, вот с чем связана единственность его творческого типа. У Достоевского ничего и нет кроме человека, все раскрывается лишь в нем, все подчинено лишь ему. Такой исключительной поглощенности темой о человеке ни у кого никогда не было. И ни у кого не было такой гениальности в раскрытии тайн человеческой природы.

Достоевский, прежде всего, великий антрополог, исследователь человеческой природы, ее глубин и ее тайн» [Бердяев, 1990, с. 215-216]. Он, далее точно говорит Бердяев, «создатель опытной метафизики человеческой природы». Достоевский из обыденных людей делает каких-то великих этиков и метафизиков. «Для сознания “подпольного человека”, – пишет Н. М. Чирков, – характерной чертой является то, что он обобщает свои личные, казалось бы, незначительные переживания до высшего предела. Не один раз он подчеркивает, что “все так делают”. В афоризмах первого раздела появляется тот всемирно-исторический план, который будет сопутствовать романам Достоевского вплоть до “Братьев Карамазовых”» [Чирков, 1967, с. 50].

Философский поиск Достоевского концентрируется вокруг *этической проблемы человека*, не только верующего или богоискателя, но и богоотрицателя, индифферентного, циника, атеиста, вокруг *тайны человека*, которую, как правило не замечают. В основе этика, но не в сократовском рационалистическом смысле, а этика как *отчаяние* в противоположность умозрительному *удивлению* греческих философов. Умозрение приводит к принятию необходимости, это работа разума, понимания, знания. Но Достоевский как раз против необходимости, против законов природы, которые поработают человека, лишая его нравственного достоинства, его свободы. Об этом «Записки из подполья». Об этом и «Кроткая»: «Что мне теперь ваши законы? К чему мне ваши обычаи, ваши нравы, ваша жизнь, ваше государство, ваша вера?» [Достоевский, 2007, с. 517]. Природа есть косность, мертвое солнце и мертвые люди на земле, окруженные молчанием.

При этом нельзя сказать, что его философия лишена метафизики в вышеуказанном онтологическом смысле. У Достоевского есть и метафизика, то есть вопрос о бытии, о его смысле и сути, поставленном исключительно в его личном регистре. Как же сопряжены в его творчестве этика и метафизика?

Тезис Шестова о том, что все произведения Достоевского, как и Кьеркегора, являются вариациями на темы «Книги Иова», выводит в широкий контекст этической проблематики. Но, как говорит Н. А. Бердяев: «К загадке Достоевского можно подходить с разных сторон» [Бердяев, 1990, с. 215]. Достоевский – загадка. Сказано очень точно. Это один из самых загадочных русских писателей мирового уровня, и поэтому так много к нему подходов. И вряд ли хотя бы один попадает в цель. Сердцевина творчества, его метафизическое ядро за-

крыта от глаз исследователей, как закрыта природа от любопытных глаз естествоиспытателей, пытающихся проникнуть в тайну рождения и смерти. Только подходы, интерпретации, гипотезы. Но влечение к Достоевскому колоссально. И оно, несмотря на все удручающие последствия «духовного кризиса», о котором говорят уже более ста лет, как правило, представители официальной идеологии, только лишь усиливается.

Что влечет и читателей, и исследователей к Достоевскому? Загадка. А если точнее – тайна. Тайна творчества и тайна самого автора. Она и есть самый сильный магнит, явленная в произведениях в особой метафизической организации текста. О чем бы ни шла речь, всегда эта притягательность текста, которая увлекает и поглощает.

Переводчица Достоевского на немецкий язык Элизабет Лесс Кэррик, которая, как мало кто знала и понимала писателя, говорила, что Достоевский способен как кит поглотить своего читателя. Невероятный масштаб личности писателя, его огромный внутренний мир, в котором живут самые непостижимые inferнальные и святые бездны и высоты, предельные страсти, невозможные мысли, взрывы катарсического восторга, действительно способен полностью забрать в себя всякого, кто бы ни прикоснулся к нему. В Достоевском можно утонуть, погибнуть, раствориться без остатка, навсегда похоронив себя в могучих лабиринтах его подполья.

В противоположность Толстому, пишет В. В. Розанов в «Легенде о Великом инквизиторе» «Достоевский аналитик *неустановившегося* в человеческой жизни и в человеческом духе». И отсюда особенности стиля Достоевского, ни с кем несравнимый его «метафизический синтаксис», его вопиющие «антикрасноречие». Похоже, что «косноязычие» Платонова припиталось именно здесь и нашло себе соответствующую «почву» для создания уже своего собственного уникального языка. Весьма меткое словечко Розанова «аналитик неустановившегося» попадает в сердцевину философии Достоевского. Его философская стихия неустановившегося – это гераклитовская стихия становления. Никакого ставшего, установившегося, только становящееся, и причем с совершенно неизвестным и непредзаданным исходом.

Не только Розанов это заметил. Вот некоторые высказывания: «“Страстность” и “недосказанность” (несмотря на обилие слов) были основными чертами Достоевского» [Андреев, 2009, с. 315]. У Достоевского «все остается необъясненным,

“неведомым”» [Рассадин, 2005, с. 330]. Особенности художественного мира Достоевского, отмечает Д. С. Лихачев, это «динамичность и зыбкость», и, соответственно, чрезвычайная сложность взаимосвязей в этом мире. Все неопределенно, не укоренено, недостоверно. До конца ничего не ясно. Одни начинающееся, но не заканчивающиеся ничего определенным ситуации. Он так характеризует формальную сторону стиля писателя: «Все явления как бы не завершены: не завершены идеи, незавершен рассказ, противоречивы сведения о событиях, которые собрал рассказчик, неясны детали и целое, все находится как бы в стадии выяснения и расследования. Все находится в становлении, а поэтому не установлено и отнюдь нестатично» [Лихачев, 2020, с. 88].

Если В. Иванов характеризует творчество в терминах «роман-трагедия», и это содержательная характеристика, то характеристику Д. С. Лихачева можно обозначит как «роман-становление». У Достоевского поистине нельзя не только дважды войти в реку, нельзя в нее войти и один раз. Недосказанность и есть «аналитика неустановившегося», ибо таков человек. Эта «недосказанность» не от того, что Достоевский не смог найти правильного ответа, что он «не дождал», что ему помешала его «страстность» выйти на определенные решения, а потому что он истинный философ, вопрошания которого и не предполагают ответов и решений.

Это вопрошания, выражаясь языком Хайдеггера, о «высшем и предельном», их ценность в том, что они есть, и великое счастье в том, что есть люди, которые отваживаются на это вопрошание, которое идет вразрез во всеми устоявшимися представлениями, создающими уют и комфорт повседневной жизни, поскольку они ее подрывают, оставляя человека ни с чем, то есть наедине с собой, когда все основы рухнули. Но рухнули они не от того, что их зверски и кощунственно подорвали, а от того, что они были ложными. И поэтому, чтобы не умереть духовно, нужно идти дальше, нужно вопрошать, вопрошать, страдая, переживая и созерцая. И все это у Достоевского, так глубоко погрузившегося в подполье, что стало невыносимо и захотелось решений не только ему, но и всем, кто соприкасался с его произведениями.

Но решений здесь быть не может. Если есть решения, то останавливается жизнь, разрушается ее метафизический узел, в котором неразрешимо сплетены самые невероятные нити добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти. Л. Шестов очень точно сказал о Достоевском: «Я глубоко убежден, что если бы даже до последних дней

своих он оставался в подполье, все равно “разрешения” волновавших его вопросов он не добился бы. Как бы много душевной энергии ни вложил в свое дело человек, он все же останется “накануне” истины и не найдет нужной ему разгадки. Таков человеческий закон» [Шестов, 1990, с. 127].

И вот это «накануне великой истины» и есть предел, до которого доходит человеческое вопрошание. Дальше идти некуда, но останавливаться тоже нельзя. Но это беспредельный предел; «накануне» означает перспективу, оно раскрывает горизонт, стремление к которому и составляет главную интригу нашего существования. Это не значит, что человек-слепец, не ведает, куда ему идти. У него есть мощнейшая интуиция истины, которая заставляет его идти, искать, страдать. Это и есть путь жизни человека, его духовная суть, препятствующая его духовной смерти, которая означает остановку, то есть ставшее, сказанное, решенное. Мертвое ведь и есть остановившееся, прекратившее жизненный процесс движения-становления.

Аномалия – стихия Достоевского, аномалия в самом высоком и низком смысле. Это предел пределов человеческого, ненормальность, «вихревая антропология» (Бердяев), пограничная ситуация, истерия, сумасшествие, бездна, все что угодно, не только не спокойствие, не равнодушие, не безразличие. Бытие затронуло Достоевского, «зацепило» его своей нелогичностью, невозможностью, может быть и ненужностью. Это сильнейший экзистенциальный вызов, ужас и боль которого может почувствовать только человек. Отсюда и его страстный поиск смысла жизни, часто в бессмертии души как залога вечного становления и успокоенности.

И Достоевский не дает ответов, никаких ответов, одна лишь надежда. Г. Померанц пишет: «Творчество Достоевского разрушает стену ответов, построенных культурой, и сталкивается лицом к лицу с открытым вопросом» [Померанц, 2013, с. 313]. Он как бы сбрасывает всю эту культурную мишуру, в основе которого ложь, лицемерие и конвенция. Ничего настоящего, ничего подлинного. У культуры есть ответы, но они как карточный домик рассыпаются перед суровой неумолимостью бытия и его проклятых вопросов.

Где автор, где герой, кто говорит устами самых ужасных и низких героев? Сам Достоевский. Бердяев пишет: «Все герои Достоевского – он сам, различная сторона его собственного духа» [Бердяев, 1990, с. 216]. Все самые невозможные и преступные мысли и речи его персонажей – это его собственные мысли, которые он осмелился высказать таким образом, легитими-

ровав их через художественный текст. Это похоже на то, как агрессивная энергия народа на войне получает легитимацию через необходимость убивать врага. Есть сладострастие убийственных идей, как есть сладострастие убийства. Художественный текст для Достоевского – это поле битвы, это этическое и метафизическое сражение самых невероятных, непопулярных и преступных идей, которые только могут прийти к человеку. Но это человек как он есть, без прикрас, без цензуры, без табу.

Необходимо коснуться вопроса о религиозности Достоевского. Насколько его этика религиозна? И вообще, какое влияние оказали его личные верования на структуру и содержание его философских текстов?

Религиозная жизнь человека так же сокрыта, как и его интимная жизнь. По крайней мере, такой она должна быть. Показная религиозность (фарисейство), как и показная сексуальность (порнография) однопорядковые и равнопорядковые явления. Что касается религиозности, то ее внешние проявления, в том числе и тексты, публичные заявления еще ничего не говорят о внутренней, подлинной религиозности. И всегда трудно сказать, что именно исповедовал тот или иной, особенно крупный автор, даже если он открыто декларирует свои верования.

Достоевского, как и многих русских писателей и поэтов XIX в. в 90-е годы XX в. стали исследовать в контексте православного литературоведения. Это вполне обосновано после советской идеологизации. Но произошел перегиб: одна идеология (коммунистическая), видевшая в них предтечу грядущей революции, сменилась на другую (религиозную), видящую в них прежде и более всего исповедников христианства. Это неправомерно по многим причинам. Литература имеет свое собственное этико-эстетическое задание, не всегда совпадающее с религиозным; и в этом плане литература не является «детоводителем ко Христу», какой была философия, когда ранние церковные апологеты предписали ей именно такой статус.

Наличие религиозной символики, мотивов и даже определенных сюжетных линий, равно как и личная религиозность автора не дают основания трактовать произведения исключительно в рамках православного литературоведения. Литература, как и философия, как и искусство и в целом вся культура не есть «приложение» к церкви. И видеть в литературе лишь выражение христианских идей – значит упрощать ее, исключать из нее и собственно эстетическое и всегда присутствующее философское содержание.

Достоевский и сейчас по большей части трактуется как выразитель христианской мысли. Эту традицию завел в России В. С. Соловьев, назвав писателя ни много ни мало, но «пророком Божиим». «Три речи в память Достоевского» Соловьева – *христианский канон* понимания Достоевского. В предисловии к этим речам Соловьев прямо формулирует вопрос, который считает главным: «чему служил Достоевский, какая идея вдохновляла всю его деятельность?» [Соловьев, 1990, с. 32]. И Соловьев, нисколько не сомневаясь в своей правоте, смело заявляет: «Итак, Церковь, как положительный общественный идеал, как основа и цель всех наших мыслей и дел, и всенародный подвиг, как прямой путь для осуществления этого идеала – вот последнее слово, до которого дошел Достоевский, и которое озарило всю его деятельность пророческим светом» [Соловьев, 1990, с. 41].

Если бы это было так, имел бы Достоевский мировое значение? Он был бы не более, чем один из церковных апологетов, наподобие К. Победоносцева и вряд ли был бы интересен вершинным именам мировой культуры, начиная с Ницше. Да и вообще, считать Церковь общественным идеалом ошибочно, это заблуждение, на которое укажет любой грамотный семинарист. Поразительно, как Соловьев, этот художественно одареннейший человек с тонким философским пониманием мог так «опустить» Достоевского до уровня обычного служителя Церкви. То, что сказал Соловьев – идеал любого прихожанина, который не имеет никаких иных заданий, кроме своей преданности церкви, но это никак не идеал Достоевского. По крайней мере, он им не исчерпывается.

Христианская трактовка творчества Достоевского весьма распространена. Сильные соловьевские интонации чувствуются, например, у С. И. Фуделя, который в своей книге «Наследство Достоевского» трактует творчество писателя через призму православия как путь ко Христу, со Христом и во Христе. Фудель пишет: «Все романы Достоевского после 1865 года – это тоже, собственно, книги об Иисусе Христе. Прежде всего, в этих книгах современный нам читатель найдет впервые слова о Христе любви и веры.

Достоевский называл Диккенса великим христианином, но сам он совершил несравненно больший подвиг исповедания Христа. Вся его власть над людьми именно в этом исповедовании, как бы случайно облекшемся в драгоценную форму художественной прозы. Может быть, исповедования христианства (а тем самым и его проповеди) в таком всемирном диа-

пазоне, в такой открытости и распятии мы больше уже никогда не услышим в искусстве» [Фудель, 2016, с. 48].

Говоря о религиозности Достоевского, важны акценты: есть метафизика христианства, а есть богословие и церковная апологетика. Это весьма различные вещи. Метафизика христианства носит проблемный и драматический характер, это, по сути, и есть религиозная философия, которую не приемлет ортодоксия. Здесь в самый раз вспомнить о Кьеркегоре, этом неортодоксальном христианине, оказавшим огромное влияние на философскую мысль. Значимы в этом контексте слова Бердяева: «Не думаю, чтобы то религиозное истолкование Достоевского, которое сделалось у нас господствующим, улавливало самое главное в нем, ту центральную тему его, с которой связан его пафос» [Бердяев, 1990, с. 215].

Здесь нельзя не вспомнить критику К. Н. Леонтьева, называвшего христианский идеал Достоевского «розовым христианством». При всей суровости, жесткости и даже некоей «мракобесности» мысль Леонтьева более реалистична и трезва по отношению к христианству и к самой жизни, нежели трактовка Достоевским этих вопросов и особенно Соловьевым. Леонтьев не считает, что пророчество всеобщего примирения людей во Христе есть православленное пророчество и называет его «чуть-чуть не еретическим» [Леонтьев, 1990, с. 14]. Он пишет, что Христос «ставил милосердие или доброту – личным идеалом; Он не обещал нигде торжества поголовного братства на земном шаре... Для такого братства необходимы прежде всего уступки со всех сторон. А есть вещи, которые уступать нельзя» [Леонтьев, 1990, с. 16].

Вообще, считает Леонтьев, все эти мысли о любви, прощении и смирении русского народа не являются новыми; все это есть уже у славянофилов. При этом он оригинально отметил новое в «Пушкинской речи»: «ново же было в речи г. Ф. Достоевского приложение этого полухристианского, полуутилитарного, *всепримирительного стремления к многообразному и демонически-пышному гению Пушкина*» [Леонтьев, 1990, с. 10]. В «розовом» христианстве Достоевского есть противоречие с самим его творчеством, в котором показана жестокая действительность во всей полноте ее inferнальных проявлений с неизбывным ее драматизмом и трагизмом. Достоевский-человек как будто пугается этих страшных откровений Достоевского-метафизика и убегает в экзистенциальный уют всемирной гармонии, братства и нравственного согласия. Убегает в

«розовое» христианство. Леонтьев пишет: «горячее, самоотверженное, и нравственное, и привлекательное обуславливаются непременно более или менее сильным и нестерпимым *трагизмом жизни... Доказательства этому можно найти в множестве в романах самого г. Достоевского*» [Леонтьев, 1990, с. 20].

Пророческие идеи о всеобщем примирении, в котором России отведена особая и исключительная роль, не самые сильные у Достоевского. И вообще его христианские, историософские, социально-политические воззрения о миссии России, о характере русского народа не главные. Л. Шестов пишет в статье «Пророческий дар» к 25-летию смерти Достоевского: «Для писателей типа Толстого и Достоевского их общественно-политические идеи не имеют ровно никакого реального значения. Что бы они ни говорили, все равно история и политическая жизнь пойдут собственным путем, ибо не их книги и статьи направляют события. ... Достоевский и Толстой ничего угадать не умели» [Шестов, 1990, с. 120-121].

Они, по мысли Шестова, были слабыми пророками, ничего не сбылось из того, о чем они проповедовали. Потому что пророков нет не только в своем отечестве, их вообще нет. Любой пророк – это псевдо-пророк. «Он [Достоевский], – пишет Шестов, – знал, конечно, что он не пророк, но он знал, что пророков на земле не было, а которые были, не имели на это большего права, чем он» [Шестов, 1990, с. 123]. И сила Достоевского не в пророчествах, а в этике и метафизике, в совершенно особом новом взгляде на человека, в котором человек открывается впервые. Таким, как показал человека Достоевский в своих художественных текстах ни Россия, ни Европа не знала.

Взгляд В. В. Зеньковского на религиозность Достоевского более сдержан; он не упускает из виду Достоевского-философа, о чем Соловьев вообще не говорит ни слова. «Всю жизнь мучился мыслью о Боге, – пишет В. В. Зеньковский, – поэтому в лице Достоевского больше, чем в лице кого-либо другого, мы имеем дело с философским творчеством, *выраставшим* в лоне религиозного сознания» [Зеньковский, 2021, с. 401]. Но это мука о Боге есть *мука о человеке*, прежде всего, нравственная мука о его страданиях, о его злом, часто демоническом измерении, о его необыкновенной кротости и жертвенности, о его смерти. Все это не поддается никакому рациональному осмыслению. Одним словом, главная мука, забота и внимание писателя – это тайна человека.

Итак, формировалось два подхода, две стратегии, две линии в трактовке жизни и творчест-

ва Достоевского. Первая – это линия *Соловьева-Фуделя*; вторая линия – *Шестова-Иванова*, отчасти *Розанова-Бердяева*. Первая видит в Достоевском более всего и прежде всего истинного исповедника христианства, собственно литературно-философское творчество оставляя за бортом; вторая усматривает в творчестве Достоевского *экзистенциальное откровение о человеке*, главными для которого являются философские прозрения и откровения.

Как уже было сказано, этика является определяющей для Достоевского. Всякому, кто вдумчиво подходит к произведениям писателя сразу бросается в глаза, и это абсолютно обоснованно и справедливо, что у него сплошь этическая проблематика. Этика – в сюжете, в особой силе проникновения в глубину страдания, в аналитике жестокости и мучительства, в стремлении проникнуть в человеческое «добро» и «зло», в исследовании проблемы вины и поступка. Синтез всего этого – «проклятые вопросы», *кульминация этического*, доведенная до невыносимого, за которым просветление, катарсис, антроподицея – человек в поступке не весь, все за всех виноваты. Это своего рода этическое чудо: доведение до предельной тьмы и зла, за которыми свет и добро. «Нравственная тьма сгущается до черты – и вдруг свет» [Померанц, 2013, с. 62]

Здесь нужно вновь обратиться к «Запискам из подполья». Этот текст, по словам Г. Померанца, «важный для развития мировой философской мысли... мимо «Подполья» к Достоевскому нельзя подойти» [Померанц, 2013, с. 61]. Это весьма сильный тезис исследователя. Но он вполне обоснован, поскольку именно в этом тексте представлен *экзистенциальный стиль мышления* Достоевского, повлиявший на многих именитых авторов этого направления. Но особенность Достоевского как русского писателя и мыслителя в том, что для него экзистенция есть предельная этика, то есть экзистенция и есть этика. В этом проявляется отличие западной и отечественной философских культур. Если для первой экзистенциальное и этическое не обязательно совпадают, то для второй это неременное условие. И Достоевский здесь не одинок: и у Толстого это проявляется, и у Платонова, и у Бунина, и у многих других русских философических авторов.

XIX век – это время открытия человека в экзистенциальном измерении и на Западе, и в России. В это время происходит одновременное *открытие философии, открытие человека и открытие экзистенции*, что может быть обозначено как «осевое время» русской философии. Как отмечает Г. Померанц: «рождается новый человек, новый, открытый бесконечности, дух. Ответ для него – ничто, вопрос – все» [Померанц, 2013, с.

311]. Достоевский был первым в плане совмещения этики и экзистенции в России, он был открыватель экзистенции на русской почве. Именно он и сформулировал «проклятые вопросы». Конечно, не в рационально-логической форме, но в стихии своей «вихревой антропологии». Вячеслав Иванов сказал, что Достоевский – «змий», «зодчий подземного лабиринта», он «поставил будущему вопросы, которые до него никто не ставил, и нашептал ответы на еще непонятые вопросы» [Иванов, 1990, с. 165].

Выводы. При всяком приближении к человеку у Достоевского создается абсолютно *таинственное*. У него не добро и зло, но *тайна добра и зла*, не просто Бог и человек, но *тайна Бога и человека*, не просто жизнь и смерть, но *тайна жизни и смерти*. Тайна человека – это бездонность, бездна, неисчерпаемость, непостижимость, неопределимость, непонимание, что есть человек. Человек в бесконечном потоке становления, его сущность трудноуловима, ее практически нет. Он существует в тусклом мире мертвых идей, которые излучают тьму. И вот именно здесь и происходит прорыв в метафизику, в ту мрачную основу мира, которая есть его онтология. Здесь не важна структура мира, здесь важен дух, атмосфера, в которой свершается человеческое бытие.

Метафизика у Достоевского на уровне организации текст; сама «материя» текста выполнена в метафизической стилистике угнетающей мрачности, таинственности; все иррационально, гротескно, готически страшно (см. Д. С. Лихачев о готических рисунках Достоевского). Всего лишь одна, но показательная иллюстрация из «Неточки Незвановой». «Помню, что были сумерки, – говорит Неточка, – в комнате была мертвая тишина. Опылившая сальная свечка грустно освещала наше жилище». Достоевский так произносит «сумерки», что они становятся действительными, и читатель погружается в их таинственную сень. Не всякий так может сказать, но лишь тот, кто носил эти сумерки постоянно в себе, жил с ними, боялся их приближения, боролся с ними, но в их тусклом свете прозревал великие истины.

Мрак у Достоевского – это не сюжет, это не просто фон, это не «мрачные истории», «мрачные состояния», «мрачные люди», «мрачная атмосфера». Мрак – это персонаж, это действующее лицо. Вот она *метафизика мрака*: не мрак в душе и мрак в мире, а *мрак души и мрак мира*. Но только лишь в этом мраке и можно увидеть свет. Апполоновский дневной свет ничего не дает, в нем как будто все видно, но ничего не ясно, потаенная суть вещей сокрыта. И только погрузившись в реальный мрак, можно увидеть суть, можно увидеть свет.

Список источников

- Андреев И. М. Русские писатели XIX века. Москва : Издательский дом «Русский Паломник», 2009. 592 с.
- Бердяев Н. А. Откровение о человеке в творчестве Достоевского // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881 – 1931 годов. Сборник статей. Москва : Книга, 1990. С. 215-234.
- Достоевский Ф. М. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 9. В 2 кн. Кн. 1.: Дневник писателя. Москва : Астрель, АСТ, 2007. 844 с.
- Зеньковский В. В. История русской философии. Москва : Академический Проект, Раритет, 2001. 880 с.
- Иванов Вяч. Достоевский и роман-трагедия // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881 – 1931 годов. Сборник статей. Москва : Книга, 1990. С. 164-193.
- Леонтьев К. О всемирной любви, по поводу речи Ф. М. Достоевского на Пушкинском празднике // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881 – 1931 годов. Сборник статей. Москва : Книга, 1990. С. 9-32.
- Лихачев Д. С. «Небрежение словом» у Достоевского // Лихачев Д.С. От мысли к слову. Москва : Изд-во АСТ, 2020. С. 88-119.
- Померанц Г. Открытость бездне. Встречи с Достоевским. Москва ; Санкт-Петербург: Центр гуманитарных инициатив, 2013. 416 с.
- Рассадин С. Русские, или Из дворян в интеллигенты. Москва : Текст, 2005. 479 с.
- Соловьев В. С. Три речи в память Достоевского // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли 1881 – 1931 годов. Сборник статей. Москва : Книга, 1990. С. 32-55.
- Фудель С. И. Наследство Достоевского. Москва : Русский путь, 2016. 340 с.
- Чирков Н. М. О стиле Достоевского. Москва : Наука, 1967. 304 с.
- Шестов Л. Пророческий дар // О Достоевском. Творчество Достоевского в русской мысли. Москва : Книга, 1990. С. 119-128.
- Шестов Л. Кьеркегард и экзистенциальная философия (Глас вопиющего в пустыне). Москва : Прогресс ; Гнозис, 1992. 204 с.

References

- Andreev I.M., prof. Russian writers of the XIX century. Moscow: Russian Palomnik Publishing House, 2009. 592 p. (In Russ).
- Berdyayev N.A. Revelation about man in the work of Dostoevsky. In: About Dostoevsky. Dostoevsky's creativity in Russian thought in 1881-1931. Digest of articles. Moscow: Book, 1990. pp. 215-234. (In Russ).
- Dostoevsky F.M. Collected Works: In 9 vols. Vol. 9. In 2 books. Book. 1.: Writer's diary. Moscow: Astrel; AST, 2007. 844 p. (In Russ).
- Zenkovsky V.V. *History of Russian Philosophy*. Moscow: Academic Project; Raritet, 2001. 880 p. (In Russ).
- Ivanov Vyach. Dostoevsky and the tragedy novel. In: About Dostoevsky. Dostoevsky's creativity in Russian thought in 1881-1931. Digest of articles. Moscow: Book, 1990. pp. 164-193. (In Russ).
- Leontiev K. About universal love, about the speech of F. M. Dostoevsky at the Pushkin holiday. In: About Dostoevsky. Dostoevsky's creativity in Russian thought in 1881-1931. Digest of articles. Moscow: Book, 1990. pp. 9-32. (In Russ).
- Likhachev D.S. «Neglect of the word» in Dostoevsky. In: Likhachev D.S. From thought to word. Moscow: AST, 2020. pp. 88-119. (In Russ).
- Pomerants G. Openness to the abyss. Meetings with Dostoevsky. Moscow; SPb.: Center for Humanitarian Initiatives, 2013. 416 p. (In Russ).
- Rassadin S. Russians, or From nobles to intellectuals. Moscow: Text, 2005. 479 p. (In Russ).
- Solovyov V. S. Three speeches in memory of Dostoevsky. In: About Dostoevsky. Dostoevsky's creativity in Russian thought in 1881-1931. Digest of articles. Moscow: Book, 1990. pp. 32-55. (In Russ).
- Fudel S.I. Dostoevsky's legacy. Moscow: Russian way, 2016. 340 p. (In Russ).
- Chirkov N. M. On the style of Dostoevsky. Moscow: Nauka, 1967. 304 p. (In Russ).
- Shestov L. Prophetic gift. In: About Dostoevsky. Dostoevsky's creativity in Russian thought. Moscow: Book, 1990. pp. 119-128. (In Russ).
- Shestov L. Kierkegaard and Existential Philosophy (The Voice of One Crying in the Wilderness). Moscow: Progress-Gnosis, 1992. 204 p. (In Russ).

Статья поступила в редакцию 28.01.2022; одобрена после рецензирования 25.02.2022; принята к публикации 01.03.2022.

The article was submitted 28.01.2022; approved after reviewing 25.02.2022; accepted for publication 01.03.2022.